

ЖАЖДА ТВОРЧЕСТВА

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

В наше время, когда в стремительном беге жизни, бывает, стираются «родовые черты» старожилов и жители разных городов обретают некие единые приметы, есть люди, которые сохраняют в себе качества, свидетельствующие об их принадлежности своему и никакому другому городу. Артист Владислав Стрельчик из их числа. В нем легко узнать коренного ленинградца — по особенной мелодике речи, по естественной, органичной изысканности и строгой сдержанности, по приветливой ровности и легкости контактов с людьми.

В Стрельчике есть высокое достоинство ленинградца. Город, в котором он рос, учился, мужал, откуда ушел на войну и куда вернулся после победы, сформировал, определил в нем все — от принципов веры до манеры поведения.

В Стрельчике есть и высокое достоинство артиста, небудничное ощущение своей профессии, ее избранности. Он относится к каждой встрече со зрителем, как к празднику. Где бы эта встреча ни происходила — в Большом драматическом театре имени М. Горького, в заводском Дворце культуры или в студенческой аудитории, — для него это всегда ответственный и радостный творческий акт. Стрельчик умеет создать особую атмосферу доверительного и уважительного внимания к собеседнику, независимо от того, сидит перед ним несколько человек или аудитория в тысячу

зрителей. При этом его общение с ними лишено и намека на фамильярность, стиль его всегда благородно прост.

Стрельчик артистичен во всем, даже в прозаичных, будничных заботах, даже в деловых и неделовых разговорах, в том, как он идет по улице, как водит машину, как беседует со случайно остановившим его человеком. Артистизм — его повседневный стиль, выражение не просто человеческого характера, а особого мироощущения, которое неизбежно отражается и на его понимании природы театра. Он любит в искусстве редкое, необыденное, любит чуть приподнять своего героя, не отрывая его, однако, от земли, чтобы тот был действительно героем, а не усредненным человеком «как все». Поэтому люди, с которыми он встречается на сцене, как правило, действительно незаурядны.

Незауряден был его Николай Бауман («Третья стража») — человек большого ума и таланта, обаяния и интеллигентности, внутренней силы. Он мог добиться успеха на любом жизненном поприще, а стал профессиональным революционером, потому что этого требовало от него время. В его дуэтах-спорах с Саввой Морозовым — Е. Копеляном, ставших идейным и художественным центром спектакля, шла борьба истинной веры, открывшей человеку высший смысл бытия, и трагедии безверия, приводящей к сознанию жиз-

ненного тупика. Стрельчик играл счастливого человека, рыцаря великой идеи, извлекающей из истории серьезный нравственный урок для своих современников.

Театр призван открывать человеку его самого, не обыденного, а идеального, — говорит артист. — Поэтому я предпочитаю искусство, не копирующее жизнь, а преобразующее ее, как бы материализующее мечту человека о самом себе.

Не случайно Стрельчик ищет в каждом персонаже прежде всего те черты, которые позволяют обнаружить, чем тот красив. В недалеком учителе провинциальной гимназии Кулыгине («Три сестры» А. Чехова) он играл, по его собственному признанию, «гимн любви», сделав своего героя воплощением самоотверженности и доброты. В холодном, циничном, опустошенном Цыганове («Варвары» М. Горького) подчеркивал искренность его чувства к Надежде Монаховой и трактовал его трагедию как акт «очеловечения» Цыганова. Актера («Карьера Артуро Уи» Б. Брехта) наделял большим талантом, который оказывался ненужным времени торжества гангстеров. В инженере Забелине (фрагмент из «Кремлевских курантов» Н. Погодина в спектакле «Перечитывая заново...») раскрыл масштаб большого ученого через способность человека мгновенно поверить в дерзкую, почти нереальную мечту об электрификации России. В

Адриане Фомиче («Три мешка сорной пшеницы» В. Тендрякова) показал красоту и мудрость простого деревенского мужика, одного из тех, чьей самоотверженностью, добротой и совестью держится русская земля.

В таком ракурсе взгляда на человека — принципиальная позиция актера, для которого творчество — гражданская миссия, который чувствует себя лично ответственным за все, что говорится со сцены или с экрана. Он верит человеку и в человека, верит в торжество лучшего и поэтому никогда не спешит осудить даже тех, чью точку зрения не разделяет. Всегда стремится прежде — понять.

Придя в кино уже сложившимся актером, Стрельчик и в новом для себя искусстве остался верен своим принципам. И здесь его интересует человек сложностью, неоднозначностью, и здесь он стремится проникнуть в суть, характер, мысли, намерения персонажа, прежде чем выразить суждение о нем.

Наполеон (кинофильм «Война и мир») в его исполнении — фигура значительная и трагическая. Поединок с Кутузовым он проигрывает не только как полководец, но и как мыслитель, не сумевший понять такой мощный фактор в борьбе, как дух русского народа. Его Берг в телевизионном фильме «Майор Вихрь» дальновиден и умен, ищет контакта с советскими партизанами, потому что понял без-

надежность борьбы задолго до того, как это стало очевидно его окружению.

Именно присутствие в фильме «Адъютант его превосходительства» генерала Ковалевского сделало борьбу Кольцова психологически трудной, ибо героя Стрельчика не хочется видеть в стане врагов. По-человечески он очень симпатичен зрителю — доброта и чуткость, старомодная деликатность выгодно отличают его от грубых вояк, рядом с которыми он действует. В нем превыше всего — преданность долгу, а это всегда вызывает уважение. Кольцов поколебал веру Ковалевского в идею, которой тот предан, и в финале Стрельчик дал своему герою право на подлинную трагедию — трагедию крушения веры.

Стрельчик — виртуозный мастер. Кажется, он может на сцене все. Ему легко в комедии и драме, водевиле и трагедии. Любую сценическую задачу он выполняет с легкостью и изяществом. В «Генрихе IV», например, фехтует лучше всех. Когда его князь Пантиашвили («Ханума» Г. Цагарели) в порыве восторженной влюбленности начинает петь то тенором, то баритоном, восхищает не только комедийный эффект этих переходов, но и свобода, с какой актер владеет голосом. Какой урок сегодняшним молодым! Легкость — признак высокого профессионализма, а без него нет настоящего искусства.

Только когда зритель не

обращает внимания на актерскую технику, можно донести мысль, ради которой театр и взялся за произведение, — говорит Стрельчик. — Меня искренне огорчает, когда актер не видит себя со стороны, не знает своих возможностей. Никогда не надо показывать залу, что у тебя нет сил. Если ты не можешь бежать на три тысячи метров, беги на полторы, не можешь на полторы — беги стометровку, и этого не можешь — откажись. Но коли ты взялся бежать сто метров, беги так, чтобы зрителям было ясно: ты одолеешь и полторы тысячи, и три.

Стрельчик любит в театре — театр. Игру, лицедейство, сценическую яркость. Искусство тусклое, унылое — не его стихия. И в этом он тоже следует давней петербургской, ленинградской актерской традиции. Преданный искусству перевоплощения, Стрельчик в каждой роли ищет не только новый характер, новый грим, но и новое качество самой сценической яркости. В «Трех мешках сорной пшеницы», например, она неброская, не эффектная. Актер достоверен в каждой мелочи. Немногословный, сдержанный, медлительно-основательный, его Адриан Фомич с трудом передвигает распухшие от голода ноги, никогда не повышает голоса, приветливо вежлив с каждым человеком. Он ласково берет в руки краюху хлеба и, отрезая ломоть, бережно собирает в ладонь крошки. Через эту подлинность восходит

актер к большому обобщению, играя не просто деревенского старожила, а народного вожака, в ком воплощается совесть людская, стойкость духа, негромкий и как будто обыденный героизм.

Но вот появляется на сцене столичный житель, деловой человек Беркутов («Волки и овцы» А. Островского) — и все меняется. Энергией и силой наполняется каждый жест, стремительной становится походка, звонким — голос. Актер блестяще и иронично играет хищника новой формации, идущего на смену наивным провинциальным мошенникам, свободного от неизжитого еще ими комплекса совести, безжалостно бросающего на карту удачи все человеческие чувства и вместе с тем необычайно обаятельного.

И рядом — Забелин, мучительно и яростно переживающий драму непонимания и неприятия нового мира. Сколько солидного достоинства в его импозантной фигуре, в его неспешной походке, в церемонной манере держаться. Даже радость не делает его менее сдержанным и замкнутым.

Разные характеры, разные сценические жанры и — разные средства выразительности, которых у Стрельчика, кажется, неисчерпаемый запас.

Сорок с лишним лет отдал он сцене и не утолил за эти годы творческой жажды.

Ученик Б. Бабочкина, вот уже четверть века работающий рядом с таким замечательным мастером театра, как Г. Товстоногов, народный артист СССР В. Стрельчик достойно продолжает великую традицию русского актерства — традицию служения времени, народу, искусству.

В. РЫЖОВА.